

A close-up portrait of a middle-aged man with a receding hairline, wearing glasses and a white shirt. He has a goatee with some grey hair. The background is a plain, light-colored wall.

Александр Щипков

**ДО И ПОСЛЕ
ПОЛИТИКИ**

Александр Щипков

До и после политики

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Щипков А. В.

До и после политики / А. В. Щипков — «Автор», 2016

ISBN 978-5-98604-573-3

Книга Александра Щипкова «До и после политики» написана на стыке жанров. Политические эссе перемежаются в ней с короткими случаями из жизни, которые тяготеют то к рассказу, то к стихотворению в прозе, то к религиозной притче. Читатель вместе с автором проедет в поезде «Мариуполь – Ленинград», встретит Яблочный Спас в Тарусе, заглянет в бездны современного нацизма, обратится к наследию поэтов русского Бронзового века – Николая Заболоцкого и Олега Охупкина. Шахматная, а в чем-то и мозаичная композиция книги отражает стремление автора и его единомышленников оставаться людьми в зверином мире политики. Автор стремится уберечься от двух искушений: подчинить свою душу политическим стихиям или, напротив, бежать с поля боя. И то и другое его не устраивает. Ведь, как говорил Шарль Монталамбер, «вы вольны не заниматься политикой, но в таком случае политика сама займется вами». В этой ситуации трудный разговор о политике требует особой искренности и интеллектуальной честности.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-573-3

© Щипков А. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Вместо предисловия	5
Где джентльмены ищут нефть	7
Назад, к Заболоцкому!	9
Поэзия Охупкина и археоавангард	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Щипков

До и после политики

Книга издана при содействии Всемирного Русского Народного Собора

Вместо предисловия

Олег Охупкин (1945–2008)

ПАМЯТЬ

В память вечную будет праведник.

От слуха зла не убоится.

И мы оставим память о себе
На этой вот земле, земле России,
Но вечную ли память, – вот вопрос —
Вопрос для нас и для самой России.
Ведь жили мы не о едином дне,
Но будто бы и время нас не знало,
И потому ушли туда, где нет
Ни времени и места, ни того,
Что звали мы своим в родной России.

Но и в такой беде запомнят нас.
Мы жили для того, чтоб наше дело
Не нашим, но вселенским нарекли,
И в этом – наше самоотречение,
Неколебимый православный Крест,
Неколебимая России вера.
И если что останется от нас
На кровной и прославленной земле —
Великий день Димитровской субботы.

Да, воины мы были. Наша брань
Останется другим. И слава Богу.
Без бранного святого ремесла
Нет Церкви, нет семьи и нет России.
Воинствуя и жили мы. И смерть
Была для нас таинственной победой.
И в радости, и в муке, и в слезах
Мы оставались верными, никтоже
Да не изобличит и наше горе.

И наша память в землю перейдёт
И станет нашей Родиной священной,
Откуда нас, работников Своих

В Пасхальный день восставит Бог России,
И вечною тогда и наша память
Да явится из тайны наших дел,
А ложная молва да сокрушится
Как призрачная сила клеветы
Пред явленной мощью нашей правды.

(14.04.1982, Ленинград)

Где джентльмены ищут нефть

Любимое занятие интеллигента – ожидание у моря погоды. От отмены 6-й статьи ждали свободы мнений, но не дождались. Потом выстроились в очередь за невидимой рукой рынка, которая наведёт в стране порядок, и стоят, ждут до сих пор.

Время течёт, но нравы образованного сословия ни на йоту не изменились. А его коллективный ум по-прежнему пытливы и склонен к конспирологии. За видимой рукой Минфина очень хочется видеть ту самую, «невидимую». А еще диверсификацию вкупе с оптимизацией, модернизацией и прочую метафизику эффективности.

Что сегодня на повестке дня у мыслящего слоя? Конечно же, судьба российского либерализма. Тема неувядающая, как и всякая «кризисная» тема. Но уровень абсурда в стране порой зашкаливает и уже не получается привычно искать стрелочника. Остается вспомнить мудрость водопроводчика: систему надо менять. А менять систему в России – это значит менять идеологию.

В отношении к собственной идеологии интеллигентское комьюнити, похоже, готово поделиться на две примерно равные части. Одна по-прежнему уверена в том, что во всём виноват не избыток, а недостаток либерализма: мол, принимается эта идеологическая микстура в недопустимо малых дозах. А рубить собаке хвост (то есть стране – остатки её идентичности) лучше сразу. Чтобы не осталось времени на лишние мерехлюндии. Вот распустили бы РАН единым росчерком пера – и порядок! В общем, нормальный такой фундаментализм.

Другая половина более вдумчива и более совестлива. Она готова отделить практику от теории ради спасения своего символа веры. Все, что исходит из высоких министерских кабинетов, – соглашается она, – это глубочайшая политическая ересь, не имеющая ничего общего с единственно верным и всесильным либеральным учением. Какие же это либералы? Нет, это самозванцы, запятнавшие великую идею.

Весь юмор ситуации заключается в том, что она до боли напоминает советскую историю с отстаиванием "ленинских норм" в период хрущёвской оттепели. Знакомая картина: идеологическая ящерица отбрасывает хвост. Вопрос лишь в том, как долго эти хвосты будут служить фетишем для общественного мнения.

В обход баталий, сопровождающих раскол либеральной паствы, следует напомнить очевидное. Либерализм в классическом виде давно невозможен. На дворе денежный феодализм. Власть финансовых институтов сводит на нет честную конкуренцию. Путь назад, в XIX век, закрыт, о нём можно благополучно забыть. Поздно заботиться о чистоте учения.

Но разгадка феномена «плохого либерализма» состоит не только в этом. Рискну высказать крамольную для либерал-ортодоксов мысль. Она тоже самоочевидна, но пока ещё психологически отторгается теми, кому трудно лишиться себя этой идеологической подпорки. Точно так же в девяносто первом году ветераны компартии отказывались верить в распад СССР.

Так вот. Либерализм в бедных странах, в том числе в России, по определению может быть только и исключительно авторитарным, то есть пиночетовского образца. Или не быть вообще. Третьего не дано. Почему?

Не секрет, что в России, как и во всех странах с преобладанием бедного населения, большинство людей выключено из экономической жизни. В такой ситуации «экономическая свобода» невыгодна большинству, поскольку делает это бедное большинство ещё беднее. Конечно, российский «пиночет», то есть коллективный разум нашего финансово-экономического блока, может обойтись и обходится без расстрелов на стадионах. Достаточно просто отменить национальную науку и систему образования, ввести платные школьные «услуги», что в перспективе ведёт к новому сословному обществу. И установить контроль за семьями в форме соцпатронажа и под предлогом борьбы с социальным неблагополучием. А заодно отменить, как пред-

лагала ВШЭ, «материнский капитал». Всё, круг замыкается. Схема отработана и доведена до совершенства.

Каков же в таком случае идеал, который диктует обществу навязчивый либеральный мем российских элит? В идеале должен получиться красивый газонефтепровод в обрамлении «Макдональдсов» (для населения), коттеджей (для благородных донов) и ракетных установок (против чересчур ретивых конкурентов). Больше ничего не надо.

В приложение к этой картинке снобистское выражение «эта страна», увы, обретает плоть и кровь. «Эта» значит ничья. Не неправильная или плохая, а именно ничья. Без народа, без нации. Как ни горько это сознавать, речь идёт о превращении России в техническое пространство для сырьевых корпораций, а её стремительно сокращающегося населения – в обслуживающий персонал. Сегодня Россия – это страна, где джентльмены ищут нефть, и только.

Ничего другого у нас по большому счёту не происходит. В глубине души это понимают и самые убеждённые либералы. Но их эта ситуация по тем или иным причинам устраивает.

Бахрах

Я поступил в первый класс в 1964 году. Наша учительница Любовь Владимировна Бахрах была сталинисткой. В октябре она зашла в класс и заставила нас выдрать из букварей портрет Хрущёва и разорвать его на мелкие кусочки. Каждый в одиночку по журнальному списку подходил к урне, которая стояла возле шкафа с запасными перьями и чернилами, и выбрасывал в неё Хрущева. Затем весь урок она рассказывала о том, каким великим был Сталин. Любовь Владимировна торжествовала. Она гневно говорила нам что-то совершенно непонятное о «хруще». У неё текли слёзы. Это одно из моих самых ярких детских воспоминаний. Она была карлицей. Одного роста с нами – первоклассниками. Маленькая, сухая, старая и очень жёсткая. Мы её боялись. Вечером мама говорила мне о Сталине и всё, что она думает о моей учительнице.

С нами в классе учился немой мальчик Серёжа. Он слышал, но говорить не мог. Только мычал. Он сидел на первой парте прямо перед Бахрах. Она никогда не делала ему никаких скидок и поблажек. Каждый день он отвечал у доски и читал вслух стихи, которые нам задавались. Он мычал свои арифметические ответы у доски, мычал стихи. Она бранила его за ошибки так же строго, как и нас. И мы не догадывались, что он серьёзно болен. Мы даже не понимали, что он немой. Мы были равны, вместе учились, дрались с ним, гуляли с ним в парке. Между нами не было никакой разницы. Через год или два родителям удалось устроить его в специальную школу для лечения, его увозили в Москву. Мы прощались с ним в классе. Он принес кулёк с конфетами «Подушечки». Любовь Владимировна встала и сказала, что очень благодарна всем нам за то, что мы были добрыми детьми и никогда не обижали Серёжу. И неожиданно низко поклонилась нам в знак благодарности. Мы все заплакали.

Назад, к Заболоцкому!

Есть поговорка: «Когда пушки говорят, музы молчат». И наоборот. Если нет войны, стоит вспомнить о высоком.

В блогосфере переход от политики к эстетике происходит постепенно. Пока первенство по цитированию держит стих Иосифа Бродского «На независимость Украины». Тот самый, который издатели поэта замалчивали по причине вопиющей неполиткорректности. Как воспринимать эти строчки, брошенные в сердцах в украинскую сторону?

*Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы...*

Уж не пророчество ли это «евроинтеграции» вкупе с неизбежным «трансгуманизмом»? Но Бродский мне не близок, и вообще хочется забыть о политических сценариях и поговорить только о поэзии и поэтах.

Статус поэта в России всё время меняется. В 1990-е поэты ходили в «экспертах», их приглашали на телевидение.

В Петербурге они жили в состоянии творческого хаоса, зато отливали стихи в гранитные формы, вплоть до гекзаметра. В Москве наоборот: писали как безумцы, а жили жизнью клерков. Поэт мог сказать: «Пять раз в неделю хожу на литературные вечера как на работу».

Потом эпоха сменилась. Поэзия выплеснулась в быт. И когда одна некогда модная поэтесса оказалась кем-то вроде наркодилера, «рукопожатная» публика заявила: суд над ней – это происки спецслужб.

В 2000-е годы кончилось время «текста» и началось «время жеста».

Жест доходчивее печатного слова и почти не требует владения культурным контекстом. Зазвучало ставшее сегодня привычным: «Как, вы не нарушаете табу?! Нет, это не искусство!» Но сегодня уже и жесты тонут в информационном шуме. Поэты уходят в блоги, выметают за порог «лишнюю» культурность и живут в своей литературной песочнице.

На портале stihi.ru до сих пор уверены, что освободились от «ложных иерархий». Правда, качество стихов «вне иерархий» не впечатляет.

Когда-то Пушкин признал очевидное: «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать». Сегодня продаются не рукописи, а харизмы и блогерская популярность. Поэт без блога меньше, чем поэт... Есть даже признанные творцы, не написавшие ни строчки...

А ведь было время, когда поэзия владела умами, не опускаясь до идеологии. Почему? Потому что она изначально сакральна. Поэзия говорила о том же, о чём говорит религия. В какой-то момент даже казалось, что они конкурируют. Может быть, настало время собирать камни – вернуться к героям прежних времён.

И кому не нравится Бродский, того, возможно, утешат строчки Николая Заболоцкого. А ведь это один из лучших русских поэтов XX века. Он чувствовал все оттенки русского менталитета, выхолощенного в советскую эпоху. И это стало одной из причин, по которым поэт был невинно осуждён.

Непонятно, почему стихи Заболоцкого до сих пор не возведены в должный ранг. Ведь другие литературные «жертвы режима» получили в 1990-е свой «респект» и «уважуху».

Получается, реабилитация – тоже не для всех?

Прислушаемся к этим стихам. Вот Заболоцкий пишет о «Голубиной книге», вспоминая рассказ о «правде и кривде». То есть – о справедливости. Ведь справедливость – это основа, нравственный центр русской традиции.

*И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.*

А вот – стихи на крымскую тему. «Воспоминания о Гурзуфе».

*В Гурзуфе всю ночь голоса петухи.
Здесь улица – род коридора.
Здесь спит парикмахер, любитель ухи,
Который стрижёт Черномора.
Царапая кузов о камни крыльца,
Здесь утром автобус гудит без конца,
Таца ротозеев из Ялты.
Здесь толпы лихих санаторных гуляк
Несут за собой аромат кулебяк,
Как будто в харчевню попал ты.
Здесь две затонувшие в море скалы,
К которым стремился и Плиний,
Вздымают из влаги тупые углы
Своих переломанных линий.*

Теперь Крым снова часть нашего русского мира. И это своего рода урок. Россия не должна забывать своих героев. Ни военных, ни литературных.

Солженицын

Я «Раковый корпус» и «В круге первом» читал только по-французски. Случилось это так.

Маму в 1973 году отправили с группой преподавателей провинциальных педвузов на три месяца в университет Монпелье по какому-то обмену на их преподавателей, которые приехали в СССР. Мы тогда с французами крепко дружили и французскими комедиями завалили все кинотеатры.

Мама ходила в книжную лавку и прямо там, у полок читала запрещённую в СССР литературу. Хозяин магазина заметил её, расспросил, откуда она, и разрешил читать у него в кабинете. Там она перечитала по-французски Шаламова, Солженицына и т. д. А в конце её пребывания хозяин подарил ей «Раковый корпус» и «В круге первом». Везти в СССР это было немыслимо, но они придумали перехитрить советскую власть. Этот милый француз оторвал обложки, заказал переплёт красного цвета с названиями романов Жан-Жака Руссо – «Исповедь» и «Новая Элоиза»...

Разумеется, матушку мою поймали и посадили бы ещё тогда, в 1973-м. Но ей повезло. Одним рейсом с преподавателями возвращалась сборная

по футболу, которая кого-то обыграла в Париже. Их во Внуково встречали с цветами прямо у трапа и провели минуя таможенный досмотр. А вместе с ними пропустили и скромных преподавателей французского языка.

Эти красного цвета книжки до сих пор живут у нас на полке. А вот порусски я так их и не прочёл.

Поэзия Охупкина и археоавангард

О чём никогда не забывают упомянуть биографы поэта Олега Охупкина, родившегося в Ленинграде 12 октября 1944 года и скончавшегося в Петербурге 30 сентября 2008 года? Верующая семья, влияние на будущего поэта бабушкиной подруги – «иоаннитки» (Евдокии Ивановны Горшковой), чем-то похожей на хрестоматийную Арину Родионовну... А ещё пение в хоре Александро-Невской Лавры и наблюдение за монастырским старчеством... Потом, много позднее, неприятности, возникшие из-за тесных связей с православным подпольем, – арест был реален и близок. Наконец, тесное знакомство с психиатрией... Этих фактов достаточно, чтобы нарисовать образ православного отрока в огненной печи советского режима – юродивого поэта, проводившего жизнь в стихах, молитвах и больничных палатах. Вывод: Охупкин не вполне типичный, но очень яркий пример «внутреннего эмигранта», который спасался от советской действительности в лоне русской православной традиции.

Вот такое жизнеописание. Звучит убедительно, поскольку все сказанное – чистая правда. Но для друзей и читателей Олег Охупкин в первую очередь поэт. Один из лучших поэтов своего времени. Он стоял среди собратьев по цеху особняком, не входил ни в круг «ахматовских сирот», ни в группу Анри Волохонского, ни в группу Владимира Эрля или Виктора Кривулина. Всегда сам по себе, всегда своим путём. Часто говорят о его дружбе с Иосифом Бродским – дружбе «под куполом Смольного собора». И даже называют Охупкина учеником Бродского. Дело было в том, что Охупкин, кем только ни работавший при жизни – кочегаром, рабочим в Эрмитаже, помощником геологов и археологов, – среди прочего возводил строительные леса в Смольном соборе. Там у него бывал Бродский, слушал его стихи и как-то обронил: «Через 20 лет ты получишь Нобелевскую». Эту историю Олег мне рассказывал задолго до того, как сам Бродский стал лауреатом.

И всё же эти свидетельства ничего не объясняют. Мало ли кто к кому ходил и кто с кем дружил в Ленинграде. Кроме того, поэзия Бродского и поэзия Охупкина стилистически разнятся. Скажем, охупкинское пристрастие к державинско-ломоновской одической традиции в меньшей степени присущи его товарищу. А наивный лирический «натурализм» и вовсе не похож на язык Бродского. Тут явно другая, более глубокая связь: не сходство, но родство.

И природа этого родства в том, что и в лице Олега Охупкина, и в лице Иосифа Бродского мы имеем мастеров, сочетавших модерн и традицию. Подобно Бродскому, Охупкин – архаист и новатор в одном лице. Вот та нить, за которую действительно стоит потянуть.

Взять, например, отношение к силлабике. Охупкин был из тех немногих, кто хотел возродить в России силлабическую поэзию, более всего связанную у нас с именем Симеона Полоцкого. Именно с подачи Охупкина Бродский заинтересовался силлабикой (отсюда «К стихам», «Подражание сатирам, сочинённым Кантемиром»). Вот один пример «оживлённой» архаики.

С другой стороны, Охупкин наследует державинско-тютчевской линии. Он был избран первым лауреатом Державинской премии (1995 г.) с мотивировкой «за развитие российской оды». Золотому веку русской поэзии Охупкин наследует через голову Серебряного. И это уже Бронзовый век.

Наконец, Охупкин – автор множества стихов и поэм на религиозную тему. Прекрасное поэтическое переложение евангельской притчи о блудном сыне заканчивается неожиданно:

*Отец же о прошлом ни слова.
Тихонько с колен его поднял
И весело кличет слугу.
Душа его к пиру готова.
Он видит, что сын его понял,*

И вот он пред сыном в долгу.

*Велит привести им телёнка
Из лучших, заклать, веселиться.
И слуги не медлят. И стол
Накрыт. Господину ребёнка
Вернула чужбина. И льётся
Вино, ибо праздник настал.*

*Тем временем с поля усталый
Старшой возвратился и слышит
Веселье и пенье. Из слуг
Зовёт одного, чтобы малый
Сказал ему, что это пляшет
За гость и с чего это вдруг.*

*«То брат твой пришёл, и отец твой,
Здоровым увидев сыночка,
Телёнка из лучших заклал».
Тогда, осерчав, что наследство
Братан промотал в одиночку,
И пляшет, он прочь усвистал.*

*Отец же за сыном вдогонку
Поднялся и вышел из дома,
И звал его. Сын же в ответ:
«Я рад от тебя и козлёнку
Остался б, но вот мне солома
За все от тебя на обед.*

*Не я ли тебе в послушанье
И службу любую работу
Работал в то время, когда
Вот этот твой сын прилежание
Имел разве к илюхам, и квоту
Свою расточал без стыда?»*

*«Но, сын мой! Всегда ты со мною.
Моё ль – не твоё без изъятья?
А брат твой родной пропадал.
И вот он нашёлся. Больною
Душа была, порвано платье...
Был мертв он, и ожил, и встал».*

*Старшой омрачился на эти
Слова и осклабился как-то
Невнятно. «Отец, берегись!»
Но старец молчал. Только некто
Вздыхнул за спиною из плети.*

Овца ли? Поди разберись.

(1970 год)

Непонятное движение-вздых за спиной у отца после предостережений старшего сына – что это? После изложения библейского сюжета следует резкий срыв в подчёркнутый психологизм, в душевную непрозрачность, романтизацию (как-никак перед нами баллада). Этот синтез довольно типичен для Охупкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.